

Евгений Голубовский

Роман о настоящем человеке

20 августа исполнилось 70 лет моему другу, удивительному человеку, скромному настолько, что становится неловко: все мы про себя, про других, а про него...

Я мог бы сказать, что он собирает все про жизнь Маяковского и про Илью Эренбурга.

Я мог бы сказать, что он знает все песни про Одессу, и поставил мемориальные доски лучшим композиторам-песенникам.

Я мог бы сказать, что вчера говорил о Пойзнере со Жванецким, и Миша сказал, что как бывший портовик он не знает лучшего специалиста в нашем городе.

Я мог бы сказать, что Пойзнер – ближайший друг Олега Губаря. И это характеризует и того, и другого.

Мог бы, мог бы... А вот что действительно скажу...

Только пыль, пыль, пыль из-под шагающих сапог... Эти хрестоматийные солдатские строки Киплинга я недавно ощутил как совсем другую метафору. Если каждый уезжающий из Одессы уносит ее на своих сапогах, то как не представить себе – только пыль, пыль, пыль от шагающих сапог, и так над всем миром – Германией и Австралией, Штатами и Израилем, Южной Африкой и Канадой – пыль, пыль, пыль Одессы...

Город, уносимый ветром, унесенный ветром...

Марево, мираж, в котором, как в детском калейдоскопе, мелькают Дерibas и Воронцова, Бенья Крик и Остап Бендер, рыбакка Соня и безымянный Рабинович...

А ведь было все это, было!

И смешение ста наречий, и шаланды с кефалью или со скумбрией, и гениальные вундеркинды из школы Петра Соломоновича Столярска-

го, и особый язык, на котором разговаривали и на Ближних Мельницах, и на Большом Фонтане...

Было и прошло? Исчезло? Нет, ушло в глубину, как бы в иной археологический слой. Но стоит вслушаться, взглядеться, дать себе труд поработать душой, как в городе, все больше напоминающем какую-нибудь Большую Булдынку, оживает Одесса, проступает сквозь камни домов, угадывается в улыбках людей...

Один из тех, кто не ленится работать сердцем, кто не на словах любит Одессу, а действительно, подвижнически, отдавая ей время, энергию, нервы, – краевед и коллекционер, ученый и – отличный – литератор Михаил Пойзнер.

Как интересно было бы написать о семье Пойзнеров, укоренившейся в сердцеvine Одессы – на Молдаванке. Как важно было бы предоставить слово коллегам Михаила Пойзнера, которые рассказали бы о нем как об ученом, теоретике и практике, заботящемся о морских портах и их причалах. Меня же привлек Михаил Пойзнер – коллекционер, сумевший собранные им коллекции о Леониде и Борисе Пастернаках, о городе времен оккупации, о еврейской Одессе, ее быте сначала осмыслить, а потом претворить в литературу, в тексты, хранящие колорит вечности, воспитывающие и любовь к Одессе, и уважение к одесситу.

У Михаила Пойзнера оказался абсолютный слух (плачь, школа Столярского, что ты потеряла такого ученика) к звучащей Одессе, и он дает нам возможность окунуться в стихию живой речи, оставшейся в генной памяти настоящих одесситов. У Михаила Пойзнера оказалось абсолютное зрение (плачь, институт Филатова), и он подмечает грустное и смешное в обыденном. У него оказалось доброе сердце. Его подслушанные и подсмотренные истории учат рыцарству, столь характерному для старой Одессы, он не стесняется быть в них чуть сентиментальным, чувствительным, если хотите.

Есть старый одесский анекдот. Умирает глава семейства, пришли проститься с ним дети, внуки, правнуки

– Абраша есть? – спрашивает он.

– Есть!

– Сарра есть?

– Есть!

– Соломон есть?

- Есть!
- И Циля тут?
- Тут!

Но в глазах главы семьи появляется тревога. И тихим голосом, пре-возмогая смерть, он спрашивает жену:

– А кто в лавке остался?..

Уже в начале семидесятых – с ширившейся эмиграцией – анекдот за-вершали фразой: «А кто остался у синхрофазотрона?».

Я знаю, и потому спокоен, что «в лавке» остался Миша Пойзнер. А значит, не мираж старой Одессы, а ее подлинный облик будет доне-сен до нас, живущих в XXI веке, более того, его рассказы и рассказыки внушают мне надежду, что старая Одесса – это юная Одесса, которая сама по себе есть предисловие к великолепной Одессе, как писал, как завещал нам Александр Михайлович де Рибас.

Одесса действительно разнесена сегодня на подошвах сапог по всему миру. Но у этого всемирного государства есть столица – Одес-са, построенная 225 лет назад на берегу Черного моря. И она останется столицей Одесского государства до тех пор, пока здесь будет играть на фортепиано Алексей Ботвинов, копать античные слои Андрей Добролюбский, изучать пушкинскую эпоху Олег Губарь, писать и рисо-вать художник Григорий Палатников, составлять картотеку художест-венной жизни города Ольга Барковская, Татьяна Щурова, Алена Явор-ская, редактировать «Дерибасовскую – Ришельевскую» Феликс Кохрихт, смотреть и слушать, а затем записывать подсмотренное и подслушанное Михаил Пойзнер.

В конце концов, все мы работаем только лишь для того, чтобы люди оставались людьми, одесситы оставались одесситами, а Одесса не рас-творилась в Большой Булдынке.

Михаил Пойзнер не только безупречно слышит, остро видит, неж-но сопереживает, но и владеет сложнейшим искусством трагикомедии, когда смешное вызывает слезу, а грустное заставляет верить в счаст-ливые концы. Одним словом, все это можно было бы назвать профес-сионализмом.

Но есть еще другое словцо, не менее точное – одессизм.

Когда улыбка не обижает, когда точное словечко приклеивается на всю жизнь, а чужая жизнь вдруг становится не менее знакомой и зна-чимой, чем своя любимая.

Так это всегда делалось в Одессе.

Так тут жилось. И – естественно – так тут писалось, пишется и будет писаться не всеми. Но Михаилом Пойзнером будет.

В этом году выйдет его новая книга. Полный Александр Козачинский. Уже сделал иллюстрации к «Зеленому фургону» Г. Палатников. Уже найдены Пойзнером ранние редакции киносценария и неопубликованные рассказы. Уже написаны статьи А. Яворской и Н. Панасенко. Но главное – Михаил Пойзнер завершил работу над эссе «Мой Козачинский»...

Кто утверждал, что романтики исчезли? Пишите романы о Мише Пойзнере, настоящем человеке.

